

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

ВСЕ ЗВЕЗДЫ И КЛЫКИ

БУРЯ ВРЕМЕН ГОДА

ТЕНИ МЕЖДУ НАМИ

ЩИТ МАГИИ

РОЖДЕННЫЙ В ОГНЕ

НЕ ЗОВИ ВОЛКА

ГОЛУБКА И ВОРОН

МОРСКАЯ ВЕДЬМА

НАСЛЕДНИЦЫ МОРЯ

ПРОКЛЯТИЕ ДЖЕКА-ФОНАРЯ

ЭТО ГИБЛОЕ МЕСТО

Зимняя Чаша

ШИ ЭРНШОУ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ
NEW YORK TIMES

Freedom
МОСКВА 2020

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

Э81

Text copyright © 2019 by Shea Ernshaw
Jacket illustration(s) copyright © 2019 by Jim Tierney

Эрншоу, Ши.

Э81

Зимняя Чаша / Ши Эрншоу. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с. — (Young Adult. Коллекция фэнтези. Магия темного мира).

ISBN 978-5-04-112619-3

В непроглядном лесу живет лютое зло. Каждый обречен на гибель. Но есть те, кому суждено пройти сквозь Чашу. В их жилах течет черная, как смола, кровь.

ОЛИВЕР

Он исчез в ночь снежной бури. Его не искали — из леса никто не возвращался. К счастью, его спасла девушка с длинными косами. Теперь он жив, но не помнит того, что с ним произошло в роковую ночь. Возможно, он виновен в страшном несчастье...

НОРА

Она — ведьма, но с добрым сердцем. Нора помогла Оливеру выбраться из Чащи, и кажется, что лес неспроста сохранил ему жизнь. В чем он замешан? Ей придется разгадать эту тайну, и чем быстрее, тем лучше. Смерть уже идет за ней по пятам.

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-112619-3

© Перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Посвящается всем девочкам
и мальчикам
с неукротимыми сердцами*

Я не думаю, что лес был бы таким ярким, и вода такой теплой, а любовь такой сладкой, если бы не таилась опасность в озерах.

К.С. Льюис

ПРОЛОГ

Тот парень пропал в ночь, когда разыгралась буря.

В ночь, когда ветер гнал снег с гор и, словно сквозь стиснутые зубы, завывал под крышей старого дома — жестокий, зловещий, полный дурных предзнаменований, которые опасно не принимать во внимание.

Электрический свет мигал, словно кто-то передавал морзянку. Температура падала так стремительно, что стволы деревьев трескались, вплоть до сердцевины, и на их поверхность, словно мед, выступала сладко пахнущая смола, которая быстро густела и замерзала на морозе. Снег вился вокруг дымоходной трубы, собирался на крыше, и в конце концов метель намела такие большие сугробы, что под ними исчез установленный в конце подъездной дорожки почтовый ящик. Они были настолько огромны, что я не могла даже разглядеть озеро под названием Щучья пасть из окна своей спальни.

Так за одну ночь пришла зима.

К утру Баррел-Крик-Роуд — единственная дорога, ведущая с гор, — оказалась занесена снегом. Заблокирована непроходимой белой стеной.

Те немногие из нас, кто жил так глубоко в лесах, и те, кто находился в лагере для трудных подростков «Щучья пасть», что на дальнем берегу озера, оказались в ловушке. Мы оказались заперты в самом сердце дикой глуши.

И не знали, как долго это продлится.

И о том, что не всем нам удастся выбраться отсюда живыми.

«**Н**икогда не пропускай попусту полнолуние, Нора, даже зимой», — любила повторять моя бабушка.

Бывало, под полуночным небом мы шли вверх по Черной реке, ориентируясь по созвездиям как по карте, которую я могла прочертить кончиками пальцев — отпечатки звездной пыли на моей коже. Бабушка негромко напевала себе под нос, уверенно скользя по замерзшей реке к противоположному берегу.

«Ты слышишь? — спрашивала она. — Луна нашептывает твои секреты. Она знает самые глубокие, самые темные твои тайны». В этом была вся бабушка — странная и прекрасная, а в ее глазах читались удивительные истории, которые она знала. Истории о лунном свете, загадках и катастрофах. Леденящие кровь истории. Впрочем, радостных и веселых у бабушки тоже хватало. Идя следом, я в точности повторяла каждый шаг, который она делала, пробираясь сквозь глушь, не переставая поражаться, с какой легкостью она избегала жгучей крапивы

и ядовитой крушины. Как, проводя по коре дерева, которое встречалось ей на пути, моментально определяла его возраст. Бабушка была чудом — ее лицо всегда было поднято к небу, словно она жаждала ощутить бледное лунное сияние на своей оливковой коже, а вокруг нее, казалось, всегда закручивалась буря.

Но сегодня я иду без нее, гонясь за той же лунной, которая сияет над той же темной замерзшей рекой, — охотясь за чем-то потерянным в холодном, печальном лесу.

Ветки деревьев роняют капли смолы. С сосны неподалеку ухает сова. Мы с Финном все дальше уходим в горы. Фин энергично машет своим волчьим хвостом, нюхает воздух, пытаясь уловить незнакомый, долетающий с другого берега реки запах.

Две недели прошло с той ночи, когда на озеро Щучья пасть обрушилась снежная буря. Две недели как выпал снег и заблокировал единственную дорогу, по которой можно покинуть горы. Как электричество, ярко вспыхнув в последний раз, умерло.

И две недели как пропал парень из лагеря у озера.

Парень, имени которого я даже не знаю.

Парень, который то ли сбежал, то ли потерялся, то ли просто исчез, испарился словно туман, что поднимается над поверхностью озера во время осенних бурь. Он незаметно выбрался из своей койки в одной из хижин, ушел и больше не возвращался. Жертва зимнего холода. Или сумасшествия, или отчаяния. Жертва этих гор, которые умеют проникнуть в твои мысли — дурача тех, кто осмелился ходить здесь, среди сосен, после заката солнца.

Эти леса дикие, суровые и не знающие пощады. Верить им нельзя.

И все же сквозь них я сейчас иду, углубляясь все дальше в горы. Куда никто другой не смеет зайти.

Потому что я скорее тьма, чем девушка. Скорее зимняя тень, чем августовский полдень. «*Мы дочери леса*», — прошептала бы бабушка.

Итак, я продвигаюсь все дальше по берегу Черной реки, следуя начерченной звездами карте, делая все так, как меня учила бабушка. Как делали все Уокеры до меня.

Пока не добираюсь до места.

Место — это там, где линия деревьев справа от меня резко обрывается, открывая два крутых горных гребня, которые сходятся, оставляя между собой узкий проход в странный темный лес на востоке — лес, который намного древнее тех сосен, что растут вдоль Черной реки. Деревья там тесно сомкнуты и сплетены друг с другом, образуя свой отдельный мир.

Это Чаща.

Впереди возвышается каменная стена, которая перегораживает вход в этот лес. Она высотой чуть больше метра и сложена из плоских камней, поднятых с речного дна. Предупреждение. Знак повернуть назад. *Только глупец войдет сюда.* Стену сложили старатели, добывавшие когда-то на берегах Черной реки золото. Так они хотели предупредить тех, кто мог прийти сюда позднее и забрести в Чащу, не подозревая о жестокой темноте, которая таится в глубине леса.

Камни, обозначающие вход, никогда не вываливались из общей кладки, не обрушивались под весом зимнего снега или из-за осенних дождей и ветров.

Здесь проходила граница.

«Входи туда только при полной луне», — предупреждала меня бабушка, и уголки ее глаз влажно блестя. В глубине этого священного леса я нахожу потерянные предметы. Но только при полной луне, когда лес спит и видит сны, навеянные бледным лунным сиянием, я могу пробраться сюда незамеченной. Остаться невредимой. *«По спящему лесу идти безопасно, это так. Но если он вдруг проснется, будь готова бежать».*

Каждый месяц, когда в ночном небе поднимается набухшая луна, я вхожу в Чащу в поисках потерянных вещей, скрытых среди зеленеющих ветвей или спрятанных под корнями деревьев.

Потерянные солнечные очки, резиновые пляжные шлепанцы, дешевые пластиковые сережки в форме шариков, единорогов и полумесяцев. Кольца на пальцы ног и кольца обещания, которые дарят своим подругам томящиеся от любви парни. В лесу рано или поздно находятся вещи, потерянные летними месяцами на берегах озера Шучья пасть. Появляясь так, словно лес возвращает их назад.

Но иногда под особенно счастливой полной лунной я нахожу более старые вещи, забытые или потерянные их владельцами, покинувшими эти горы сотню лет назад. Серебряные медальоны, серебряные пуговицы, серебряные швейные иглы и наперстки. Сделанные из кости зубочистки, пузырьки изпод лекарств с давным-давно стертыми этикетками. Ковбойские сапоги и жестяные банки, в которых когда-то хранились сухое молоко и молотый черный кофе. Цепочки для карманных часов и двер-

ные ручки. Время от времени я даже золото нахожу — сплюснутые грубой чеканки золотые монеты, блестящие среди мха, или чешуйки самородного золота, запутавшиеся в моих волосах.

Потерянные вещи находятя.

Силой неведомой магии эти вещи появляются в лесу. Возвращаются.

Фин принимаетя, медлит. Я тоже стою, затаив дыхание, и тереблю надетое на указательный палец золотое кольцо. Это привычка у меня такая. Способ пробудить в себе отвагу бабушки, которая отдала мне свое кольцо в ночь, когда умерла.

— Я Нора Уокер, — шепчу я.

«Позволь лесу узнать твое имя». Когда-то мне казалось ужасно глупо — разговаривать вслух с деревьями. Но когда вступаешь во тьму и чувствуешь пронизывающий тебя холод, когда деревья поглощают без остатка не только свет, но даже, кажется, память о нем, ты готова выложить Чаше все свои секреты. Все тайны, что хранишь взаперти внутри грудной клетки. Ты сделаешь что угодно, лишь бы убаюкать лес, не дать ему очнуться ото сна.

Я крепко зажмуриваю глаза, переступаю через границу и, миновав линию выстроившихся в ряд, словно стражники, высоких сосен, вступаю в лесную тьму.

Вхожу в Чашу.

Ничто хорошее существовать здесь не может.

Воздух холодный и влажный, а темнота такая, что не разглядеть собственных ног. Но здесь всегда так, и, как мне кажется, раз от разу становится даже